

Традиционное благочестие русских в сочинениях английских путешественников и дипломатов XVI века

Середина — вторая половина XVI в. — время начала активного общения России и Британии в сфере дипломатии и торговли. Этот период истории русско-английских связей достаточно хорошо отражён в письменных источниках обеих стран. Они позволяют рассмотреть в том числе и различные аспекты образа русского человека в восприятии английских путешественников и дипломатов XVI столетия.

Один из наиболее интересных и малоисследованных вопросов в рамках данной проблемы — традиционное благочестие русских и его особенности с точки зрения англичан-протестантов. Эта сторона русской национальной жизни привлекала внимание Р. Ченслера, К. Адамса, Дж. Флетчера, Д. Турбервилля, на основе сочинений которых мы и попытаемся построить наши рассуждения.

Отношение англичан к богословским основаниям, практике православного вероисповедания и обыденным традициям отправления русскими религиозного культа в отечественной и зарубежной научной литературе всегда считалось тенденциозным и предвзятым, поэтому ему уделялось мало внимания в специальных работах и комментариях к публикациям текстов источников. Но исследования в сфере русской культуры позднего Средневековья позволяют по-новому оценить объективность английского взгляда на русское благочестие XVI в.

Англичане, как и другие иностранцы, побывавшие в России в это время, в первую очередь обращают внимание на внешнюю сторону проявления православного благочестия русских. Исключение составляет только сочинение Дж. Флетчера, в котором английский посол пытается анализировать само содержание веры.

Привычка к строгости и суровой простоте отправления культа в протестантской церкви заставляет англичан замечать многое из того, чего не видят или не считают чем-то особенным послы и путешественники из католических стран. Это обстоятельство делает записки английских авторов наиболее ценными в источниковедческом отношении. Конечно, стоит отметить тот факт, что основные сведения о религии и благочестии русских и их оценка в большинстве сочинений повторяются. Англичане пишут об этом предмете как бы с оглядкой друг на друга, стремясь создать единую и цельную картину для своих предполагаемых читателей. Но есть и некоторые нюансы, которые позволяют говорить о том, что эти описания «русской религии» не являются прямым заимствованием у предшественников, а имеют в своей основе личные наблюдения каждого из пишущих.

Первое, на что обращает внимание большая часть авторов сочинений — стремление к предельно строгому соблюдению византийских традиций вероисповедания, граничащее с «суеверными крайностями», и убеждённость в особой святости Руси. Эта тенденция характерна для русской культуры позднего Средневековья. Ещё более столетия, вплоть до на-

*Суккина, Л. Б. Традиционное благочестие русских в сочинениях английских путешественников и дипломатов XVI века. — Доклад читался на научной конференции «Россия—Британия», 2003 год. Детали и полный текст публикации автор скрывает. Здесь представлены опубликованные тезисы доклада.

чала петровских реформ, русское общество будет крайне беспокоить проблема соответствия форм отправления веры «греческому» образцу и следования чину «древлего благочестия».

С желанием русских быть «святей» других христиан в сочинениях англичан связывается удивляющее их большое количество монастырей и монахов и строгость соблюдения постов. В то же время большинство авторов склоняется к вполне рациональному объяснению тяги русских к монашеской жизни бегством от невыносимых невзгод мирского существования.

Англичанами отмечается и особое отношение русских к культовому искусству, которое, как, например, успевает понять Р. Ченслер, искусством в европейском смысле этого слова и не считается. Почитание икон и осуждение храмовой скульптуры как рудимента идолопоклонства подчёркивается английскими мемуаристами как феномен русской духовности. Вероятно, эти наблюдения английских путешественников и дипломатов подкреплялись и доходившими до них сведениями об обсуждении вопросов иконопочитания на церковных Соборах середины XVI в. и в окружении царя Ивана Грозного, любившего обсуждать проблемы веры, в том числе и в присутствии иностранцев.

От внимания английских эмиссаров не ускользают и серьёзные противоречия религиозной жизни русских людей. Строгое соблюдение обрядов, многочисленность и продолжительность церковных служб соседствуют с пренебрежительным отношением к их содержанию. Англичане с удивлением и возмущением отмечают, что священники, в том числе часть верхушки духовенства, плохо знают текст службы, многие почти неграмотны, а их паства не может прочесть целиком ни одной молитвы, заменяя их формулой «Господи, помилуй меня!» Большинство верующих, по наблюдениям английских путешественников, не делает существенных различий между верой в Троицу, Богородицу и почитанием Николая Угодника как специфического «русского бога». Забота о посмертной судьбе человека, связанная с жертвованием значительных денежных сумм в храмы и монастыри, сочетается с «варварским» обычаем не хоронить умерших в зимнее время, а складывать их в «скудельницы» до первых летних праздников. Эта кажущаяся англичанам чудовищной практика нашла отражение и в русских источниках того времени. Но, в отличие от рационального объяснения иноземцев природными условиями (невозможность копать мёрзлый грунт), там она оправдывается необходимостью решить вопрос о соблюдении обряда последнего покаяния, который, в случае его неисполнения, может быть заменён общей молитвой на Троицын день.

То, что все указанные английскими авторами противоречия существовали в реальности, а не были плодом религиозного скепсиса неприязненно настроенных протестантов, подтверждается попыткой их исправления, предпринятой «ревнителями древлего благочестия» в середине XVII столетия, а также новейшими исследованиями в области русской религиозной культуры. Резкий тон высказываний англичан о «варварском» характере православного благочестия населения Московской Руси был вызван не столько их русофобией, сколько непониманием, спровоцированным столкновением ценностей формирующейся западноевропейской культуры «познающего разума» со средневековой культурой «души», ещё не исчерпанной русским обществом XVI в.